

Дети с каждым днем становятся все лучше, а церковь никогда не была так полна, по крайней мере, так говорил мне пастор после каждой проповеди. В последующие месяцы у нас появилось еще несколько добровольцев в хор, хотя я с грустью сказал им, что им придется ждать до солнцестояния, пока надписи снова откроются. Я не помню почему; что-то связанное со старым городским постановлением.

[Он останавливает себя, прежде чем продолжить, его густые брови сходятся над переносицей].

Забавно, но я думаю об этом. Пастор Макмиллиан был известен тем, что менял законы и правила, чтобы лучше удовлетворить жителей города и облегчить распространение веры. Я думаю, по какой-то причине он так и не смог изменить этот закон.

В общем, я отвлекся.

Все шло хорошо для всех нас. Через три месяца мы наконец-то включили всех обучающихся в основной хор, и их таланты начали стремительно расцветать. Я был - и простите мне мою нескромность - довольно отличным учителем, но даже я не мог надеяться на такие перемены.

Они также стали ближе. Я видел, как большинство из них шли домой группами, возбужденно разговаривая о том, о чем в то время любили говорить дети, и хотя то тут, то там возникали ссоры, они легко разрешались. Некоторые из них стали больше чем друзьями; я не удивлялся, в конце концов, они были подростками, и им приходилось проводить вместе четыре часа в неделю.

«Я думал, членам церкви не разрешается...?»

Это относится только к тем, кто работает в церкви, а программа хора относилась к деноминации школьной группы, это не было работой.

Кроме того, мы были более свободны, чем большинство, когда дело касалось таких вещей. Растущая нагрузка не оставляла нам времени на влюбленность, но я уверяю вас, что если бы кто-то из нас нашел свою половинку, мы бы нисколько не осуждали друг друга.

Пастору нравилось думать, что мы - веселая и крутая церковь, о чем он любил рассказывать в своих листовках. Я не могу сказать, что не смеялся, когда читал их, и было ясно, что бедняга мало что знает о современной молодежи, но нельзя было отрицать, что он усердно работал.

Он был хорошим человеком. Жаль...

[Пальцы его правой руки бессознательно начинают ритмично постукивать по столу, когда он на мгновение отводит взгляд. Я вижу, как в его глазах мелькает фотография, на которой он изображен молодым человеком.

Он на мгновение оглядывается по сторонам, и наконец его взгляд падает на меня. Точнее, на мой блокнот. Он нервно улыбается]

Должен сказать, я никогда не видел, чтобы кто-то так быстро писал на листе бумаги. Вы изучали стенографию до того, как стали журналистом? Я знаю несколько человек, которые...

«Я бы предпочел не говорить о своем прошлом или образовании, чтобы сохранить анонимность. Я надеюсь, вы меня поймете».

Точно! Верно... Я сожалею, если я... э...

«Ничего страшного, если вам нужно время, Гораций. Я знаю, что это, должно быть, трудная история».

Ха... Я бы хотел сказать, чтобы вы не обращались со мной как со старой, засохшей змеей, но не могу опровергнуть ваше обвинение. Я думаю, возраст действительно немного смягчает мое сердце. Тем не менее, я обещал вам это интервью и не собираюсь уходить посреди него.

«Спасибо. Пожалуйста, продолжайте».

Да, конечно.

В общем... Мы были уже около шести месяцев, когда все это началось.

Пастор пришел в семь утра, как обычно, но выглядел он чем-то расстроенным. Он сказал мне, что получил письмо от нашего начальства и что через несколько часов уезжает в Лаванду. Он заверил меня, что это не навсегда, но он нужен для важного дела, решение которого может занять несколько дней. Он назначил брата Адама вместо себя и попросил меня заняться министерскими обязанностями, связанными с хором: организацией, бумажной работой и так далее. Я сказал ему, что он может рассчитывать на меня, когда мы пожали друг другу руки, а затем он поспешил наверх, чтобы собрать вещи в дорогу.

Наверное, я был ошеломлен внезапностью происходящего, потому что мне даже не пришло в голову спросить, кто наш начальник. Дьякон? Епархия? С такой скромной церковью, как наша, это могло быть правительство или Лига, я не знаю.

И у меня не было времени подумать об этом, потому что следующие несколько дней превратились в кошмар. Мои глаза были прикованы к бумагам и отчетам, пальцы посинели от того, что я целый день держал ручки, и каждые полчаса мне приходилось делать по одному-два телефонных звонка. Не помогло и то, что это был сезон гриппа, и некоторые дети не смогли прийти в следующее воскресенье. И конечно, Эйвери получил Дисциплинарное наказание и тоже будет отсутствовать, маленький негодник.

Это просто одна из тех вещей, знаете ли. Иногда люди, которые тебя окружают, делают такую большую работу, что ты не понимаешь, как это тяжело, и это относилось к викарию больше, чем к кому-либо другому. Адам тоже с трудом держался на ногах, хотя ему, по крайней мере, не приходилось иметь дело с тридцатью с лишним молодыми людьми и их семьями.

«Сколько времени потребовалось пастору, чтобы вернуться?»

Полторы недели или около того. Я помню, он приехал в четверг утром с портфелем в одной руке и покеболом в другой.

Я, признаться, опешил. Я никогда не слышал, чтобы пастор упоминал о покемонах, да и вообще было странно, что у верующего человека они есть. Лично у меня единственным покемоном был милый маленький Гроулит, когда я жил с родителями.

Он не стал сразу объяснять, а просто сказал нам помочь ему поднять сумки наверх с широкой улыбкой на лице. Мы с Адамом посмотрели друг на друга и поняли, что думаем об одном и том же. Пастор вел себя странно.

«Разве он не часто улыбался?»

Да, он любил улыбаться. Но его улыбки были... ну, просто изгиб губ, такая улыбка, которая длится секунду, но в ней больше нежности, чем в любой демонстрации зубов. Но та, что была у него тогда... она была слишком большой, слишком широкой, едва достигала его глаз.

Я сказал себе, что он, должно быть, устал от путешествия, поэтому просто кивнул и сделал то, что мне сказали. Когда я закончил, я вернулся в комнату для собраний, и, к моему удивлению, пастор уже был там. Он сидел на одном конце стола и пристально смотрел на покебол, который был у него с собой, вертя его в пальцах, как будто это была самая интересная вещь на свете. Я заметил, что под глазами у него появились мешки, и он выглядел бледным.

Я кашлянул, чтобы дать о себе знать. Он повернулся ко мне и сказал, чтобы я сел. Когда я спросил, что это за покебол, он снова улыбнулся так, что меня бросило в дрожь, и сказал.

«Гораций! Именно с ним я и хотел поговорить!» Он похлопал меня по плечу и откинулся в кресле. «Это... я принес кое-что для тебя. Кое-что, что они мне дали».

Прежде чем я успел спросить, кто это, он открыл вещь. Свет ослепил меня на несколько секунд, а когда он померк, я поднял голову, чтобы посмотреть, что внутри. Это был... ну, если честно, я бы не догадался, что это покемон, если бы увидел его в дикой природе, он выглядел как украшение чьего-то дома.

Большую часть его составляла маленькая круглая голова, похожая на фарфоровый чайник, только меньше. Из-под нее шевелилось тонкое матерчатое знамя, красное сверху, как флаг или

что-то вроде того. У него... кажется, был рот, и если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что два желтых глаза были нарисованы, поскольку они никогда не мигали.

<http://tl.rulate.ru/book/115544/4520953>